

УДК 316.43

Прохоренко Юрий Иванович

доктор философских наук, профессор,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский государственный университет
uraldv@yandex.ru

Лях Павел Петрович

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский государственный университет
lhpp@mail.ru

Iurii I. Prokhorenko

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Social Work and Psychology
Pacific National University
uraldv@yandex.ru

Pavel P. Lyakh

Ph.D. in Sociology, Associate Professor,
Department of Social Work and Psychology
Pacific National University
lhpp@mail.ru

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

INSTITUTIONAL ASPECTS OF SOCIAL FORECASTING

***Аннотация.** Социальное прогнозирование является необходимой составляющей социального управления, поскольку целенаправленное социальное развитие невозможно без учёта динамики протекающих в социальной реальности процессов. В статье делается акцент на ключевых аспектах, влияющих на результативность социального прогнозирования: современном состоянии социальной теории и практики прогнозирования, взаимообусловленной детерминации индивидов и структур. Особое внимание уделяется рассмотрению этих аспектов в разрезе процессов институционализации, так как только сформированные институты развития могут гарантировать достижение стратегических целей современных государств.*

***Ключевые слова:** социальная динамика, социальное прогнозирование, институционализация, социальный институт, социальная реальность, общество, социальная система, социальная детерминация, модель, потребности и ожидания*

***Annotation.** Social forecasting is a necessary component of social management, since purposeful social development is impossible without taking into account the dynamics of the processes taking place in social reality. The article focuses on the key aspects affecting the effectiveness of social forecasting: the current state of social theory and forecasting practice, the interdependent determination of individuals and structures. Particular attention is paid to the consideration of these aspects in the context of the processes of institutionalization, since only the formed development institutions can guarantee the achievement of the strategic goals of modern states.*

***Keywords:** social dynamics, social forecasting, institutionalization, social institution, social reality, society, social system, social determination, model, needs and expectations*

В настоящее время Россия, отвечая на глобальные вызовы, последовательно укрепляет институциональные основы своей субъектности, обеспечивающие ей устойчивое социально-экономическое развитие в исторической перспективе. Одним из направлений институционализации, на наш взгляд, должно являться соответствующее оформление институтов развития общества, в частности, социального прогнозирования, поскольку научное управление развитием локальных обществ должно опираться как на знание имеющихся тенденций глобального и локального развития, так и на нормативное управление созданием условий с целью содействия существующим тенденциям или их изменению в желательном направлении.

В настоящий момент времени, когда мы живём в условиях катастрофического риска и глобальных кризисов, слома базисных ценностей техногенной цивилизации система глобальных отношений активно трансформируется и идёт поиск новой модели международного порядка, о процессе институционализации целесообразно говорить только в границах конкретного общества, видеть факторы как способствующие, так и препятствующие этому процессу [13; 14].

Онтологическая трактовка феномена институционализации несводима к проявлению деятельной активности человека в процессе реализации собственного сценария жизни, а выражает инструментальную способность общества как социетальной системы эффективно использовать имеющиеся ресурсы для сохранения своей целостности в конкретном (структурном) социальном пространстве.

Следует отметить, что поскольку идея общественного порядка, которую явно или неявно решают все социально-гуманитарные науки, первоначально утвердилась в юриспруденции, то оттуда и пришло в философию, социологию, экономику и другие социально-гуманитарные дисциплины понятие «социальный институт» (от латинского «institutum», что означает «установление», «учреждение»). Это существенным образом сказалось на понимании природы процессов институционализации, которые в первую

очередь видятся «сверху». Социальные институты начинают рассматриваться, говоря терминологией О. Конта, только в разрезе социальной статики.

Институциональный подход своё теоретическое оформление как институционализм получил в экономической науке; помимо «институций» (норм и обычаев, устойчивых форм взаимодействия людей в обществе) институционализм понятие «институты» трактует как закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений. Примечательно то, что его основоположник Торстейн Веблен пытался повернуть экономическую теорию к социальным проблемам: органический процесс институционализации по своей природе нацелен на сохранение целостности общества через эффективное удовлетворение социализированных потребностей всех членов общества, а не его элитарных слоёв.

Поскольку на разных этапах развития общества ресурсное обеспечение социализированных потребностей не одинаково, то процесс институционализации охватывает собой не только возникновение и вызревание, но и изменения, а также - дальнейшее развитие институциональной структуры. Без такого подхода невозможно как понять существование социальных институтов в истории, так и управлять этим процессом в современной динамичной социальной реальности.

Попытку теоретически объединить все различные подходы в изучении социальных институтов впервые предпринял Т. Парсонс, начав с построения теории социального действия, оттолкнувшись от индивида, наделенного стремлением действовать. Ключевую роль в этой теории играют «социальные ожидания», которые испытывают в отношении действий друг друга взаимодействующие индивиды. Это исходная точка процесса институционализации, именно из этих ожиданий, в процессе рутинизации взаимодействий, которые первоначально носят ситуативный характер, возникают социальные нормы (правила) и общепринятые ценности, помогающие гарантировать характер ответных реакций. Так, по Парсонсу, образуются культурные комплексы — символически организованные образцы, включающие в себя «сеть позиций», «систему ролевых статусов», каждому из которых приписывается определенное ожидаемое поведение, регулируемое системой социального контроля [9].

Процесс институционализации, собственно, и является способом образования этих комплексов, закреплением во времени отношений между социальными позициями таким образом, что поведение занимающих эти позиции индивидов сохраняется неизменным, независимо от того, кто конкретно участвует во взаимодействии. Отсюда, и самое распространённое понимание социального института, как итога процесса институционализации, как некоторого установления, порядка, воспроизводящегося вновь и вновь; как исторически сформировавшихся форм статусно-ролевой деятельности, удовлетворяющей потребности общества как социетальной системы. Индивиды, включаясь в эту деятельность, удовлетворяют свои социализированные потребности в той мере, в которой они легитимируют

существующую институциональную структуру. Так индивиды обеспечивают функционирование социальных институтов.

Однако детерминация динамики социальных институтов намного сложнее, что и затрудняет прогнозирование их развития, а следовательно – и всего общества.

Дело, как нам видится, в том, что в архаических обществах двигателем социальных изменений были, прежде всего, витальные и социальные потребности (социализированные потребности), которые заставляли людей воевать за ресурсы, за своё место в социальной иерархии. Но технологическое развитие позволило вывести большинство населения земного шара из крайней нищеты [10, с. 60]; экономическое и социальное развитие сформировало множество социальных пространств, в которые может уйти человек, решая свои личные проблемы. В современных обществах, которые существенно расширили пространство возможностей человека, на первое место выходят уже *ценности*, которые намного легче поддаются манипулятивному оформлению в виде *интересов*, да и просто «желаний». По нашему мнению, можно говорить о том, что в настоящее время классическая модель детерминации поведения индивида «потребности – интересы – ценности» дополнилась постклассической моделью: «ценности – интересы – потребности». Исходя из того, что у личности как субъекта саморазвития в процессе её жизнедеятельности до определённого времени становится всё больше степеней свободы и ресурсных возможностей её объективации, при этом индивиды постоянно переопределяют ценность как своих внешних связей, так и тех систем, в которые они входят — прогнозировать → динамику социальных изменений, драйверами которых выступают в конечном счёте люди, становится всё труднее.

В связи с вышесказанным, О. Н. Яницкий в своём анализе возможностей социального прогнозирования современной «динамики мобильного мира» совершенно справедливо отводит большое место «роли личности в условиях глобализации» и, обосновывая «двойную» сущность социальных движений, пишет: «Удивительно, что сегодня западными исследователями отводится весьма скромное место значению социальных инициатив и движений в глобальных трансформациях, хотя сегодня именно они вносят «беспорядок» и изменяют соотношение сил на аренах разного масштаба: от локальных до глобальных [14, с. 21].

Именно динамика современных социальных процессов, в которой «исторические формы взаимодействий» не успевают «выкристаллизовываться», приводит к тому, что институты чаще всего создаются именно как «учреждения» — в процессе нормативной деятельности государственной власти. Потом в рамках этих учреждений начинают создаваться социальные организации, разворачивающие свою деятельность, которая очень часто не совпадает как с нормативными установками власти, так и с «ожиданиями» индивидов. В результате этого возникают дисфункции социальных институтов, формируется правовой нигилизм граждан, поскольку

эти учреждения не отвечают их реальным ожиданиям, потребностям и интересам.

Такой подход к формированию социальных институтов обусловил то, что, как совершенно справедливо отмечают исследователи, практика социального управления динамичными современными социальными процессами привела к тому, что за институционализацию тех или иных процессов выдают их нормативно-правовое регулирование. В то же время, истинность теоретических и нормативных обоснований этих процессов проверяется реальными социальными процессами, протекающими в конкретном социальном пространстве и времени, а «ошибочность этого подхода подтверждается эмпирическим фактом малой эффективности этого регулирования» [5, с. 164]. Поэтому для понимания реального протекания процессов институционализации, двухаспектность институционализма («институции» — «институты»), отражающую, де-факто, статичную, сформировавшуюся институциональную систему, следует дополнить, отталкиваясь от Т. Парсонса, «ожиданиями» как отправной точкой и критерием оценки функционирования институтов.

Таким образом, можно говорить о дуальной модели институционализации — «институционализации снизу», которая идёт от ожиданий, реальной практики взаимодействия индивидов в конкретном социальном пространстве, и «институционализации сверху», драйвером которой выступает государственная власть как субъект социального управления. Дуальная модель институционализации отражает взаимообусловленный процесс самоорганизации социума и управленческого воздействия властных структур: в современных политических сообществах формирование институциональных структур общества следует рассматривать как взаимообусловленность процессов самоорганизации и эффективного социального управления, в которой социальные ожидания субъектов легитимируют нормативные структуры в той степени, в которой последние соответствуют этим ожиданиям. Тут можно опять сослаться на О. Н. Яницкого, который, завершая анализ «двойной» сущности социальных движений, отмечает: «... только такой мониторинг этой всеохватывающей изменчивости мира, осуществляемый как «сверху вниз», так и «снизу вверх», может служить надёжной основой социальных прогнозов. Но и они сегодня тоже приобретают вероятностный характер» [14, с. 23].

Трудность социального прогнозирования обусловлена именно усиливающимся вероятностным характером социальных процессов, протекающих в социальной реальности, потенциал которой ещё до конца не осознан. Вероятностной характер протекания социальных процессов, например, О. Н. Яницкий связывает с социальным феноменом «силы слабости», то есть с возможностью порождения глобального риска в любой точке социального пространства; Насим Талеб говорит о «чёрных лебедях» как непредсказуемых событиях, имеющих чрезвычайное влияние на формирование будущего [11]; в социальном анализе часто упоминают «эффекте бабочки», который в

естественных науках используется для выражения такого свойства взаимодействий в некоторых хаотичных системах, когда даже незначительное влияние на них может иметь большие и непредсказуемые последствия, в том числе – в совершенно другом месте (в социальном контексте — в любой точке социального пространства).

Низкая результативность социального прогнозирования подтверждается как социальной практикой, так верификацией теорий социальных изменений. Так, Филип Тетлок, психолог из Пенсильванского университета, который сделал изучение прогнозирования делом своей жизни, сравнил прогнозные оценки экспертов с группой шимпанзе, бросающих дротики в доску, полную предсказаний (метафора случайного выбора). По знаменитой фразе Тетлока, эти «шимпанзе, метающие дротики» были бы более точными, чем, так называемые, эксперты. Выводы Тетлока, задокументированные в книге под названием «Экспертное политическое суждение» (2005), основаны на проведённом им в период с 1987 по 2003 год опросе 284 человек, которых он попросил профессионально составить серию прогнозных суждений о мире. Приведённая выше оценка точности экспертных заключений основана на обработке 82 361 прогнозного суждения [15].

Если взять российский опыт, то можно сослаться на политолога Екатерину Шульман, которая, обсуждая на новостном канале «Эхо Москвы» кризисные события начала 2022 года в Казахстане, дала оценку современным прогностическим способностям. В начале эфира ведущий констатирует: «почти все признаются, что не могли предвидеть, что в Казахстане будет так». Е. Шульман, анализируя протестную активность, считает её самой непредсказуемой активностью на свете; социологи и политологи научились замерять протестную готовность по ряду маркеров, но эти показатели могут не конвертироваться ни в какие практические последствия; у аналитиков нет такого градусника, «который мы вставляем в нужное место и там нам показывают протесты завтра или протесты послезавтра — такого нет» [7].

Оценивая проблему шире — прогнозирование будущего автократий, она сказала: «Да, все автократии — это витрины более или менее красиво разукрашены. Они стоят долго, но иногда они разрушаются одним камнем, который брошен из пустоты, из ниоткуда неведомой рукой. Это тоже правда, это надо иметь в виду» [7]. Образ, фактор «чёрных лебедей» Насима Талеба можно дополнить «камнем из ниоткуда», «неведомой рукой» Екатерины Шульман.

В качестве иллюстрации неспособности современной социальной теории адекватно воспринимать социальную реальность, предвосхищать Будущее и предсказывать тенденции социальных изменений можно сослаться на Раймонда Будона, который в своей книге «Место беспорядка. Критика теорий социального изменения» детально проанализировал возникшие за период с 1950 по 1980 гг. в общественных науках четыре типа теорий социального изменения. В данном случае нам важна его оценка этих теорий: «Состояние краха — вот наиболее распространенное, разделяемое сегодня очень многими

мнение по поводу этих теорий. Большинство строившихся на их основе прогнозов были опровергнуты самой жизнью. Эти теории ввели в оборот представления, не просто упрощающие (что, в принципе, было бы допустимо), но и примитивизирующие понятие социальных систем. И большинство общих закономерностей, рассматривавшихся этими теориями как универсальные и вневременные, оказались ограниченно значимыми» [3, с. 5]. По его мнению, программа теорий социального изменения перегружена аномалиями. В силу того, что факты опровергли многие из, казалось бы, достоверно установленных тенденций, пришлось отказаться от большого числа ранее выдвигавшихся причинно-следственных и структурных законов. Что же касается вопроса о причинах и факторах изменения (или, по другой версии, об отсутствии таковых), то он остается открытым [3, с. 29].

Причину «краха» теорий социальных изменений мы видим в том, что, с позиций социальной онтологии, динамичная социальная реальность не когерентна одномоментной социальной действительности, которую в силу своего предмета исследуют те же социология, политология, экономика, психология и другие частные социально-гуманитарные науки. Теории, имеющие дело с объяснением, пониманием и интерпретацией социальных феноменов, должны учитывать изменение объекта их исследования — той социальной реальности, которая обуславливает их предметные поля: необходимо сохранение динамичного единства объекта и предмета конкретной отрасли научного знания. Можно сказать, что герменевтический круг обуславливает то, что социальное знание не может быть исключительно социологическим, политологическим, экономическим и т. д., оно по своей природе должно быть междисциплинарным, а последовательное проведение методологического принципа взаимообусловленности объекта и предмета исследования является самой насущной задачей современных социально-гуманитарных исследований [10].

Все социально-гуманитарные науки на протяжении своей истории явно или неявно решают, прежде всего, две фундаментальные проблемы, которые дают ключ к пониманию статики и динамики социальной реальности, взаимообусловленности социальных процессов и структур. Онтологический статус этих проблем позволяет экстраполировать их на социальные системы любого уровня организации.

Первая из них, о которой мы уже упоминали выше — как возможен, существует и поддерживается социальный порядок в таком хаосе противоречивых индивидуальных и надиндивидуальных потребностей, интересов, ценностей, желаний, стремлений и намерений? А вторая — что первично в социальной реальности: индивиды или структуры, в которых индивид рождается и умирает, обретает своё социальное бытие и социализируется?

При всём многообразии подходов к решению этих вопросов социальным пространством, на котором протекают взаимодействия индивидов и структур, идёт формирование того или иного типа социального порядка признаётся

общество как система, как *исторически* оформившаяся, устойчивая форма организации таких взаимодействий.

Парадокс истории состоит именно в том, что сама же история и взрывает эти устойчивые формы, поскольку всё течёт и всё изменяется. Что или кто стоит за этими изменениями как оказывается (не)устойчивых (в предельной исторической перспективе) форм социального порядка? «Крот истории» (Г. Гегель, К. Маркс) или индивид(ы), реализующий свою субъектность? Очевидно, что результативное прогнозирование социальных изменений любого социального феномена (объекта), в том числе и общества, напрямую зависит от правильных ответов на эти вопросы.

Однако точность социального прогнозирования (а отсюда — и эффективность социального управления) зависит не только от правильного определения ключевого детерминирующего фактора, субъекта социальных изменений. Уже упомянутый Р. Будон проблему формулирует так: «Как определить ту сферу реальности, в рамках которой возможен поиск факторов, вызывающих социальные изменения? Структуры или институты? Структуры или идеи? Идеи или мифы? Эти структурные переменные или другие? Производительные силы или производственные отношения?» [3, с. 27]. Мы можем, конечно, искать поверхностный ответ в дихотомии «экзогенные факторы — эндогенные факторы», но в любом случае на поставленные французским теоретиком вопросы необходимо давать точные ответы, видеть взаимообусловленность факторов, проявляющуюся в социальном детерминизме.

Как нам видится, на современном этапе развития социально-гуманитарного знания достижение консенсуса в ответе на вышеобозначенные вопросы маловероятно, даже не смотря на появление авторитетных концепций (теория структурации Э. Гидденса, генетический структурализм П. Бурдьё и др.). Причина этого нами уже была названа выше: в современных социально-гуманитарных исследованиях редко методологически корректно проводится принцип, предполагающий взаимообусловленность объекта и предмета исследования: последовательно проводя его в теоретических построениях, учёными игнорируется онтология социальных феноменов, их специфические свойства и прежде всего — их динамика.

Очевидно, что неспособность предсказать будущее состояние социального объекта (на основе точного поискового прогноза разработать нормативный прогноз, который сбудется с известной долей вероятности), может свидетельствовать, прежде всего, о том, что мы:

- 1) не постигли природу прогнозируемого социального объекта;
- 2) не вскрыли законы и закономерности его развития;
- 3) не понимаем сущность и закономерности социальных процессов, которые протекают как внутри, так и вне этого социального объекта;
- 4) не понимаем сущность и закономерности протекания тех социальных процессов, которые собираемся «запустить», «инициировать», управляя развитием этого объекта;

5) не обладаем всей полнотой объективной информации о состоянии этого объекта и тех условий, в которых он находится и развивается;

б) не видим того субъекта, который выступает драйвером социальных изменений.

Обозначенные пункты представляют собой, на наш взгляд, методологический каркас социального прогнозирования. Они показывают, насколько трудоёмким является процесс научного обоснования социальных прогнозов. Он не под силу единичному исследователю и должен осуществляться их коллективами в междисциплинарном поле. В силу отмеченной специфики социальное прогнозирование, отвечая на запрос общества, должно быть институционализировано, а не представлять собой клубы экспертов-интеллектуалов, разрабатывающих возможные сценарии будущего, которые, конечно же, сбываются с определённой долей вероятности.

Очевидно, что учёные осознают имеющиеся методологические проблемы социального прогнозирования и работают над их решением [4; 6; 8; 14]. В. Ю. Баштовой, рассматривая категориальный строй социологически определяемого социального прогнозирования, приходит к выводу, что определить функциональное содержание социального прогнозирования и порядок его реализации невозможно из-за множества существующих разногласий и противоречий, корень которых в отсутствии обоснованной таксономии оценок и тем более системы представлений о структуре оценочных явлений в социальном прогнозировании, что приводит к неправомерным обобщениям в социальном прогнозировании [2].

Экспертный опрос как метод социального прогнозирования претерпевает неизбежную трансформацию, поскольку информационное общество с многовариативностью и вероятностью его развития как осложняет проблемы социального прогнозирования, так и синтезирует новые возможности, инструменты для разработки прогнозных состояний социальных объектов, экспертов начинают «вытеснять» модераторы. Это связано с тем, что оставляемые в процессе социальных взаимодействий социальными субъектами цифровые следы, «оцифрование прошлого» формируют Big Data, что позволяет исследователям с использованием возможностей искусственного интеллекта обрабатывать колоссальные массивы данных, обнаруживать корреляции и прогнозировать состояния конкретных параметров [1].

Для решения задач прогнозирования социально-экономических показателей конкретных социальных объектов всё активнее начинает применяться аппарат нейронных сетей. Концептуальные и методологические результаты исследований отечественных ученых по этим вопросам позволяют им сделать выводы как об ограничениях, имеющихся в настоящее время методологических подходов, так и дальнейших перспективных направлениях прогнозирования целевых параметров социально-экономического развития с помощью аппарата нейронных сетей. В частности, Е. В. Толкачева отмечает, что для получения надежных и достоверных социально-экономических прогнозов могут быть использованы различные научные методы, но «наиболее

прогрессивными моделями прогнозирования социально-экономических показателей на сегодня являются модели, построенные с использованием нейронных сетей» [12, с. 174]. Перспективность этих моделей обусловлена тем, что они позволяют выявить зависимость прогнозируемого показателя от большого числа независимых факторов и учесть динамику этих факторов в процессе прогнозирования. При этом использование нейронных сетей в прогнозировании не зависит от выбора математической модели, поскольку построение этой модели происходит непосредственно в процессе обучения нейронной сети, и, что на наш взгляд немаловажно — может проходить и без участия экспертов.

Как мы видим, проведённый анализ современного состояния социального прогнозирования позволяет сделать вывод о том, что оно находится на пути к институционализации. Для более полной оценки этот анализ надо дополнить анализом наукометрическим и методологическим, что трудно сделать в рамках жанра журнальной статьи. Но даже из всего сказанного выше, на наш взгляд, можно сделать вывод о необходимости институционализации социального прогнозирования: социетальные системы в третьем тысячелетии могут поддерживать свою стабильность и реализовывать стратегии развития в стохастической социальной реальности лишь при научном прогнозировании социальных изменений на локальном и глобальном уровнях в их взаимообусловленности.

Существенным препятствием на пути институционализации социального прогнозирования, если мы будем его рассматривать как дуальный процесс, выступают «ожидания» индивидов. Это связано с тем, что в массовом сознании активно распространяются ненаучные и псевдонаучные формы предвосхищения будущего на фоне социальных практик «жить здесь и сейчас»; свою будущность люди, обладающие большой степенью мобильности, всё чаще связывают с теми социальными пространствами, которые уже сейчас могут удовлетворить их социализированные потребности. Это порождает все более трудно управляемые процессы миграции, которые становятся ключевым фактором социальных изменений.

Распространение научных знаний, активное расширение научного мировоззрения как сегмента общественного сознания, понимание всей сложности социального прогнозирования и его необходимости — только эти действия смогут оформить социальный «запрос снизу», удовлетворить который должны институциональные структуры общества, властные, прежде всего.

Это связан с тем, что, подчеркнём еще раз, прогнозирование состояний столь сложных динамических объектов, какими являются человекразмерные системы, возможно лишь на междисциплинарном уровне научными коллективами, встроенными в социетальную систему и получающими от этой системы все необходимые ресурсы (информационные, материальные, финансовые, людские). Это «движение сверху» может и должна организовать государственная власть, при условии, что она выражает интересы государства

не как института управления (а фактически — бюрократических и элитарных слоёв общества), а государства как «политически организованного народа».

Литература.

1. Алпацкий Д. Г. Построение социальных прогнозов на основе метода анализа иерархий // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : сборник статей.* Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2020. С. 44–51.

2. Баитовой В. Ю. Категориальный строй социологически определяемого социального прогнозирования // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2012. № 5. С. 94–96.

3. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.

4. Вильданов Х. С., Деркач В. В. Методологические особенности социального прогнозирования // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика.* Серия: Экономика. 2017. № 1(19). С. 132–137.

5. Вишнева К. В. Институционализация социально ориентированных некоммерческих организаций: особенности дальневосточных регионов // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2020. № 12-2(102). С. 163–167. DOI: 10.23670/IRJ.2020.102.12.066.

6. Деркач В. В., Закиров И. Д. Роль общей методологии в познании современной социальной динамики // *Мировоззренческие основания культуры современной России : сборник материалов V Международной научной конференции, Магнитогорск, 17 мая 2014 года.* Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2014. С. 48–54.

7. Казахстан: неудавшийся транзит // *Эхо Москвы : [YouTube.ru].* – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qWiFnoWz1sI&t=3s> (дата обращения: 06.01.2022).

8. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Социальное прогнозирование: достижения, недостатки, пути совершенствования // *Вестник Московского государственного областного университета.* Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 57–68. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-57-68.

9. Парсонс Т. Социальные системы // *Вопросы социальной теории.* 2008. Том II, вып. 1(2). С. 38–71.

10. Прохоренко Ю. И. Прогнозирование динамики современных обществ: пролегомены // *Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сборник научных трудов.* Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 59–65. <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>

11. Талёб Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости. М.: Издательство КоЛибри ; Альпина Паблишерз, 2010. 456 с.

12. Толкачева Е. В. Генезис развития концепций нейросетевого прогнозирования социально-экономических показателей регионов России // *Сборник материалов V международной научно-практической конференции «Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой*

реальности» (26 ноября 2021 года, г. Москва). М.: ООО «ИРОК», 2021. С. 173–179. DOI: 10.34755/IROK.2021.59.46.023.

13. Чолак А. П. Особенности и специфика социального прогнозирования в современном обществе риска // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 1. С. 519–523.

14. Яницкий О. Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 11–28. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.554.

15. Beauchamp Z. This study tried to improve our ability to predict major geopolitical events. It worked // VOX : [website]. – URL: <https://www.vox.com/2015/8/20/9179657/tetlock-forecasting> (дата обращения: 01.02.2022).

Literature:

1. Alpatskii D. G. *Stroitel'nykh prognostov na issledovanie hierarchii // Actual'noe problemy sotsial'no-human'noh nauki : sbornik articles. Moscow: Publishing House "Scientific Library", 2020. pp. 44–51.*

2. Bashtovoy V. Y. *Categorical construction of sociologically determined social forecasting // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2012. № 5. pp. 94–96.*

3. Budon R. *Mesto disordera. Criticism of theories of social change. M.: Aspect Press, 1998. 284 p.*

4. Vildanov Kh. S., Derkach V. V. *Metodologicheskie osobennosti sotsial'nogo proizviya // Vestnik UGNTU. Science, education, economics. Series: Economics. 2017. № 1(19). pp. 132–137.*

5. Vishneva K. V. *Institutionalizatsiya socially oriented non-profit organizations: osobennosti dalnevostvennykh regions // Mezhdunarodnaya nauchno-issledovatel'nyi zhurnal. 2020. № 12-2(102). pp. 163–167. DOI: 10.23670/IRJ.2020.102.12.066.*

6. Derkach V. V., Zakirov I. D. *The role of general methodology in cognition of modern social dynamics // Mirozrencheskie osnovy kul'tury sovremennoi Rossii : sbornik materialy V Mezhdunarodnaya nauchnoi konferentsii, Magnitogorsk, 17 may 2014 goda. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2014. pp. 48–54.*

7. *Kazakhstan: failed transit // Echo of Moscow : [YouToub.ru]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qWiFnoWz1sI&t=3s> (date of access: 2022-01-06).*

8. Nekhamkin A. N., Nekhamkin V. A. *Social forecasting: achievements, shortcomings, ways of perfection // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Philosophical Sciences. 2020. № 2. pp. 57–68. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-57-68.*

9. Parsons T. *Sotsial'nye sistemy // Voprosy sotsial'nogo teorii. 2008. Volume II, vol. 1(2). pp. 38–71.*

10. Prokhorenko Y. I. *Proizvestvodenie dynamics sovremennykh sotsial': prolegomeny // Global and regional impacts in the system of modern societies : sbornik nauchnykh trudov. Irkutsk: ISU Publishing House, 2021. pp. 59–65. <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>.*

11. Taleb N. *Cherny swan: Pod znak unpredictstvo. M.: Izdatelstvo KoLibri ; Alpina Publishers, 2010. 456 p.*

12. Tolkacheva E. V. *Genesis of the development of concepts of neural network forecasting of socio-economic indicators of the regions of Russia // Collection of materials of the V international scientific and practical conference "Challenges of modernity and strategies for the development of society in the conditions of a new reality" (November 26, 2021, Moscow). M.: OOO «IROK», 2021. pp. 173–179. DOI: 10.34755/IROK.2021.59.46.023.*

13. Cholak A. P. *Features and specifics of social forecasting in the modern society of risk // Scientific notes of TOGU. 2018. T. 9. № 1. pp. 519–523.*

14. Yanitskiy O. N. *Is it possible today to social forecasting of the dynamics of the mobile world? Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. T. 10. № 1. pp. 11–28. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.554.*

15. Beauchamp Z. *This study tried to improve our ability to predict major geopolitical events. It worked // VOX : [website]. – URL: <https://www.vox.com/2015/8/20/9179657/tetlock-forecasting> (дата обращения: 01.02.2022).*